

Е.М. Зенова (Москва, Россия)¹

Литературный критик как публицист: идейные комплексы «Комментариев» Г.В. Адамовича

Аннотация: В статье анализируются публикации Г.В. Адамовича, в частности, в «Числах», «Звене», «Современных записках», «Новом корабле», где он выступал с традиционными для критики жанрами: рецензиями, проблемными статьями, литературными портретами. Показано, что, рассматривая литературные произведения, он не замыкался в границах первоначальной темы. В 1967 г. его избранные статьи были изданы под одной обложкой. «Комментарии» как по формальным, так и по содержательным признакам занимают особое положение. Убедительным представляется мнение о безусловной принадлежности «Комментариев» к публицистической области литературы.

Ключевые слова: литературная критика, жанр, публицистика, идейный комплекс, Г.В. Адамович

Е.М. Zenova (Moscow, Russia)

Literary Critic as a Publicist: Ideological Complexes of G.V. Adamovich's "Commentaries"

Abstract: One of the most famous and influential literary critics of emigration was Georgy Adamovich. On the pages of such publications as, for example: "Chisla", "Zveno", "Sovremennye Zapiski", "Novy Korabl" Adamovich acted with traditional genres for criticism: reviews, problem articles, literary portraits. However, writing on literature he goes beyond the boundaries of the original topic. In 1967, selected articles were published under one cover. "Commentaries" on both formal and substantive grounds hold a special position. The opinion about the unconditional belonging this book to the journalistic field of literature is convincing.

Key words: literary criticism, genre, journalism, ideological complex, G.V. Adamovich

Одним из самых известных и влиятельных литературных критиков эмиграции был Георгий Викторович Адамович. На страницах таких изданий, как, например, «Числа», «Звено», «Современные записки», «Новый корабль», Адамович высту-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

пал с традиционными для критики жанрами: рецензиями, проблемными статьями, литературными портретами. Однако в отличие от В.Ф. Ходасевича, другого ведущего писателя и литературного критика эмиграции, для Адамовича литературные «рамки были тесны» [Коростелев 2001: 604]. Разговор о литературе не замыкался в границах первоначальной темы.

На первый взгляд, наследие критика не представляется возможным соотнести с творчеством Роднянской, ибо ни исторические условия, ни культурный контекст не могут считаться тождественными. Однако типологическое родство становится очевидным, если учитывать близость авторов к философскому дискурсу, синкретизм высказываний и стремление говорить о закономерностях человеческого существования вне зависимости от типа суждения и формата издания.

Рассматривая ключевые особенности литературной критики в русском зарубежье, С.И. Кормилов определяет ее специфику так: «И у ранних, и у поздних эмигрантов критика редко представала в чистом виде, была синкретичной: объединяла особенности собственно критики, научного литературоведения, публицистики, философии, мемуаристики, художественного творчества» [Кормилов 2009: 32].

На протяжении нескольких десятилетий Адамович в различных русскоязычных периодических зарубежных изданиях публиковал заметки и небольшие статьи. Как отмечает О.А. Коростелев, совокупность этих произведений представляет собой в контексте наследия Адамовича «вершину эссеистической прозы» [Коростелев 2001: 593], а по отношению к творчеству писателей-эмигрантов занимает одну из ключевых позиций: «“Комментарии” Адамовича появились именно в “Числах”, и с идеологией журнала, мировоззрением ближайших сотрудников и “парижской нотой” вообще они связаны самым непосредственным образом. “Комментарии” это мировоззрение выразили и во многом определили» [Коростелев 2001: 594]. Сразу же после первых публикаций в новом формате Адамович в среде эмигрантов приобрел более высокий статус литератора [Коростелев 2001: 595].

В 1967 г. выбранные автором статьи, расположенные не по хронологическому, но по тематическому принципу, были изданы под одной обложкой. А тридцать лет спустя был выпущен новый сборник «Комментариев», который, помимо переиздания первоначального собрания заметок и статей, был дополнен остальными текстами Адамовича.

С момента появления первых заметок и до настоящего времени «Комментарии» как явление вызывали и продолжают вызывать интерес у читателей, исследователей и критиков. Нет единого мнения о жанровой принадлежности книги. Так, для одной группы исследователей сборник представляет собой антологию эссе, другие считают «Комментарии» новым жанром. Отсутствует и однозначный ответ на вопрос, в качестве критика или публициста в большей степени здесь проявляет себя Адамович.

Ю.К. Терапиано отмечал, что среди литераторов и широкого круга читателей заметки критика пользовались безусловным признанием. Более того, многие опирались на высказывания Адамовича при построении собственных суждений, вкус критика считался безупречным [Терапиано 2001: 363].

Тематическое разнообразие книги многие исследователи объясняют тем, что «Комментариями» Адамович продолжает собственное литературное творчество: «...это “последняя” литература. <...> можно говорить обо всем: о России, о стихах, о христианстве, о Толстом и Достоевском, о “тайне писательства”, об “оправдании черновиков” – и так далее, и так далее» [Федякин]. Важной представляется

мысль о том, что, несмотря на богатство тем (политических, религиозных, исторических), автор не перестает выполнять привычную для себя функцию критика [Распопин].

Итак, можно сделать следующий вывод: рассматриваемый текст Адамовича как по формальным, так и по содержательным признакам занимает особое положение. Убедительным представляется мнение о безусловной принадлежности «Комментариев» к публицистической области литературы. Так, Е. Новикова обращает внимание на «полемически-публицистический стиль изложения» [Новикова 2001: 103], а также на то, что в рассуждениях Адамовича на первый план выдвигаются не эстетические, а культурологические категории [там же]. Однако недостаточно обоснованным представляется иное суждение исследовательницы: «...первая заметка, где тема “Восток – Запад”, Россия – Европа номинируется автором как идейно-тематический комплекс всей книги, несет определенную смысловую нагрузку, связанную с общим контекстом всего изложения» [Новикова 2001: 101]; «...на тематическом уровне вопрос о Востоке и Западе номинируется автором как главный для всей книги» [Новикова 2001: 102]. В сборнике, куда вошло 84 фрагмента, названная проблема занимает важное, но отнюдь не лидирующее положение, вопреки мнению литературоведа. При определении устойчивого идейного комплекса книги наиболее удачным способом может послужить выделение условных тематических групп: обществоведение, религия, исторические личности, литература, размышления на онтологические темы. Любой из написанных Адамовичем фрагментов оказывается включенным в одно из объединений.

Чтобы увидеть, как Адамович, критику которого принято относить к эссеистическому направлению, проявляет себя в роли публициста, рассмотрим несколько заметок из первой авторской редакции «Комментариев». С опорой на «модель речевого жанра» Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997: 88–99] необходимо выделить и проанализировать такие элементы в структуре текстов, как коммуникативная цель, языковое воплощение, образ автора, образ адресата.

Лейтмотивом книги выступает литература, ибо в большинстве отрывков, если они прямо не посвящены данной проблематике, так или иначе упоминаются писатели, художественные произведения или имена персонажей. Для того чтобы углубить представления о стилистике текстов, приемах анализа, а также о литературно-критическом методе в данной работе, необходимо специально остановиться на тех фрагментах из «Комментариев» Адамовича, в которых автор в наибольшей степени проявляет себя как публицист, как можно дальше удаляясь от литературно-критических вопросов. Фрагменты «Комментариев» не сопровождаются названиями, поэтому при обозначении анализируемых текстов будет использована нумерация. Остановимся на отрывках под номерами 7, 32, 34, 51.

В первом из перечисленных фрагментов Адамович пересказывает древнюю легенду и дает ей собственное истолкование. Ни авторство, ни источник истории не указываются, поэтому логично предположить, что сам критик имеет отношение к созданию исторического предания. У человека, считает автор, нет поводов для оптимизма, ибо уже сам факт его рожления является ошибкой. Более того, из рассуждений становится понятно, что и за пределами земной жизни обрести спасительный смысл не удастся [Адамович 2000: 16]. Данный тезис строится на трех ключевых мыслях: мир появился вопреки божественной воле; «что, если всё это обман?»; «всякое подлинное “вперед” идет лишь по направлению назад» [Адамо-

вич 2000: 17]. Автор не настаивает на истинности суждений, но приглашает читателей поразмышлять о сущностной духовной проблематике [Адамович 2000: 16].

Тематика и коммуникативная цель следующего эпизода во многом схожи с предшествующими рассуждениями. Былого соперничества между наукой и религией теперь не существует. Это утверждение, по словам Адамовича, бесспорно и не требует доказательств. Однако расхождения между иррациональным и рациональным продолжают существовать. Так, «разум понял, что он не всё может понять» [Адамович 2000: 55], тогда как «вера медлит» [Адамович 2000: 56], ей свойственна неизменяемость догматов. Для большинства церковных прихожан религия превратилась в набор обрядов, задуматься над сущностью происходящего удается не каждому, подчеркивает Адамович ключевую мысль эпизода. Вернуться к истинной вере, полагает автор, можно лишь в тот момент, когда вновь прозвучит проповедь «благой вести» [Адамович 2000: 57], когда равнодушие сменится осознанием истинного предмета веры. Адамович здесь избегает прямых обращений к читателю, но постепенно чередой рассуждений сменяется побуждением избавиться от страха перед бесконечностью и вспомнить о главном [Адамович 2000: 63]. По своей проблематике данная заметка приближается к теологическому тексту: автор предпринимает попытку истолкования церковного учения о воскресении. Но, понимая слова из молитвы о «воскресении мертвых» буквально, а именно – по Н.Ф. Федорову, Адамович вступает с ними в полемику. И в итоговой части размышлений главной становится мысль о том, что оживить веру, а также избежать противоречий между ней и развивающейся наукой можно при смене догмата о «телесно-материальном восстановлении» на признание истинности слов о чаянии «бессмертия всех душ» [Адамович 2000: 62–63]. Poleмика с важнейшим церковным учением, которое Адамович понимает по-своему, занимает в анализируемом тексте центральное место, однако можно предположить, что на первое место, с точки зрения значимости, выходит иной аспект. Опубликованная в периодическом светском издании заметка Адамовича обращена не к узкому кругу специалистов-богословов, но к широкой читательской аудитории. И по этой причине свою задачу автор видит в первую очередь в привлечении внимания адресатов к соотношению обрядового и духовного в их религии.

Тридцать четвертая по порядку заметка представляет собой эссе, в котором затрагиваются сразу несколько важнейших вопросов, большинство которых рассматривается отдельно – в других частях книги. Здесь, во-первых, постулируется положение о том, что достичь полного взаимопонимания между русским и западным человеком невозможно [Адамович 2000: 67]. Но далее оказывается, что данная проблема свойственна всем национальностям, ибо только соотечественники, люди, улавливающие не выражаемый словесно культурный код, способны уловить «обертонá» [там же], которые находятся за пределами логической речи. Кроме того, лишь при углублении в собственную культуру, по мысли Адамовича, можно подняться на уровень «вечного и общечеловеческого» [там же]. Как и в предыдущих фрагментах, генеральная мысль здесь формулируется в финале. Но разница с предшествующими рассуждениями состоит в том, что аудитория, на которую направлено воздействие автора, обозначается предельно четко. Так, знание о недостижимости межкультурного понимания в первую очередь будет полезно литераторам [Адамович 2000: 68].

Итак, анализ такого аспекта, как коммуникативная цель, показал, что каждый из выбранных текстов соответствует основополагающему признаку публицисти-

ки – наличию убеждающего компонента, т. е. «социального воздействия», при котором совокупность языковых средств способствует достижению наибольшего влияния [Кайда 2011: 124].

Как отмечает С.Р. Федякин, Адамович не рассчитывал на возможность извлечения реальной пользы из написанных им текстов: «Он знал безнадежность своего главного дела, знал, что, в сущности, пишет “ни для кого”. Но не мог не надеяться и на чудо, на “созвучие душ” пусть и со случайным, далеким читателем» [Федякин]. Можно предположить, что именно этим обстоятельством объясняется предельная абстрактность рассуждений, отсутствие прямых обращений к читательской аудитории и оперирование неопределенными местоимениями: «все», «кто-нибудь» [Адамович 2000: 16, 56, 61] – или обобщенными словами «человек», «люди» [Адамович 2000: 17, 54, 59].

По многим признакам заметки Адамовича приближаются к лирическому роду литературы, ибо публицистика в данном случае эссеизируется [Кайда 2011: 142], окрашивается в дневниковые, личностные тона. Так, доминирующей формой авторского обозначения является местоимение первого лица единственного числа и личные формы глагола: «...лично я Минора не знал, сомневаюсь, однако...» [Адамович 2000: 55]; «у Розанова, если не ошибаюсь...» [Адамович 2000: 60], «помню, Зинаида Гиппиус, смеясь, рассказывала ...» [Адамович 2000: 55, 60]; в заметках доминирует субъективизм. Подтверждением того, что тексты Адамовича приближаются по звучанию и настроению к лирике служит указание исследователей и на то, что переложение «Комментариев» на обыденный язык невозможно [Коростелев 2001: 601]. Безусловно, субъективизм авторской речи приближает ее к читателю и способствует большему воздействию на него.

Убеждение адресата происходит и при помощи солидаризации с ним, благодаря многократному использованию личных местоимений множественного числа: «мы вправе гордиться», «мы добились», «мы хотели»; «нас ничто не отвлекает»; «мы держим в руке»; «в наши десятилетия»; «нас учили в детстве» [Адамович 2000: 66, 67, 68, 54].

«Комментарии» в целом и анализируемые заметки в частности по своей структуре очень диалогичны, ибо благодаря присущей им «роскоши цитат» [Коростелев 2001: 600] создается многоголосие. Так, например, автор упоминает Байрона, Шопенгауэра, Бодлера, Толстого, Паскаля, Данте, Лермонтова. Диалогичность создается и за счет обилия риторических вопросов: «куда они зовут?»; «о чем она?»; «откуда она и куда?»; «да и могло ли быть иначе?» [Адамович 2000: 17, 58, 59].

Не только набор логически выстроенных многочисленных аргументов, но и эмоциональная окрашенность речи, ее экспрессивный характер нацелены на убеждение; достигает автор этого при помощи восклицательных предложений («Невероятно!», «с восторгом и радостью!», «механическое сцепление суждений!»), умолчаний («но иные люди задумываются...»; «значение они все-таки имеют очень большое...»), синтаксического параллелизма и лексических повторов («без имени, без лица, без судьбы» [Адамович 2000: 56, 17, 57], «за невероятной тьмой, за невероятной пустотой...»; «не углубляется ли при этом догмат, не восстает ли образ Его в чистейшем сиянии? Не утверждается ли дело Его тем, что он преодолел смерть как исчезновение...») [Адамович 2000: 62].

Экспрессивность достигается и посредством заключения реплик вымышленных оппонентов в кавычки: автор полемизирует со словами потенциальных противников, подвергает их иронии и осмеянию [Адамович 2000: 18]; благодаря тако-

му приему в тексте появляется неявная оппозиция: мы (автор и читатели) против тех, кто не разделяет нашей точки зрения.

Известно, что литературную критику Адамович не отделял от художественного творчества [Коростелев 2001: 20]. Рассмотрение публицистических текстов показало, что для них в той же степени характерны полемичность, яркая выраженность авторской позиции, идейная насыщенность и вариативность стилистических приемов. «Комментарии» отличает противостояние двух интенций: раскрытие индивидуальной позиции автора, с одной стороны, и воздействие на читательскую аудиторию – с другой. Таким образом, публицистика Адамовича отвечает главным критериям этой области литературы: для автора, чья позиция в тексте выражается предельно отчетливо, существенным становится такое воздействие, при котором изменится и образ мыслей, и поведение адресата. Заметки Адамовича поэтому можно определить как «публицистические эссе», ибо формально-содержательная организация соответствует отличительным чертам данного жанра: «...сплав эссеистически насыщенного собственным “я” постижения мира и его современных проблем... и ораторский пафос призыва к благоразумию людей, и читателя в том числе» [Кайда 2011: 135].

Однако анализ публицистической манеры Адамовича был бы неполным без более глубокого рассмотрения свойств коммуникативного намерения в исследуемых текстах. В «Комментариях» автор принимает на себя роль мыслителя, побуждая публику задуматься о «вечных вопросах», или о качестве собственной веры, или о том, что путь к познанию общечеловеческого прокладывается через изучение собственной национальности. Но, кроме того, в подтексте каждого из анализируемых отрывков автор проявляет себя и как литературный критик. Следовательно, вторая коммуникативная цель заключается не в кропотливом разборе художественных текстов, но в оценке содержащихся в них идей. В «Комментариях» литература важна Адамовичу в первую очередь не своей эстетической стороной, но идейной, как доказательство теоретических построений.

Так, например, в размышлениях о причинах крайнего пессимизма, в котором вынуждено пребывать человечество, автор не оставляет читателей без надежды: обрести выход возможно, если будет услышан и принят «голос оттуда». Спасение можно найти в русской литературе, которая хотя и «не окончательно справилась», но уже расслышала зов. И только Пушкин, считает Адамович, «достоин быть учителем человечества», ибо он не только расслышал голос, но и «окончательно справился с ним» [Адамович 2000: 18].

Менее очевидна литературно-критическая направленность текста в 32-м фрагменте. Однако и здесь осмыслиется не отдельное произведение, но художественное творчество писателя в целом. В финале подводится следующий итог: бессмертие души есть залог возникновения и устремленной вверх средневековой архитектуры, и рефлексивности протестантизма, и текстов Достоевского, Паскаля, Данте, Лермонтова [Адамович 2000: 63]. Знание об отсутствии конечности этого мира, считает Адамович, прямо отражается на типе изображения героев в романе «Война и мир», ибо не включенных в «таинственно-естественную» обстановку французов сложно назвать естественными, живыми персонажами [Адамович 2000: 69].

Иллюстрацией такого раздвоения коммуникативной цели может выступить 51-й фрагмент. Емкая по содержанию заметка, которая состоит лишь из четырех абзацев, представляет собой структуру из двух частей: теории и ее аргументированного доказательства. Публицистической по своей природе является пер-

вая часть, ибо речь здесь идет о единственном преимуществе, которым обладает старшее поколение, – знание о наличии искаженных представлений, мечтаний в любой возрастной генерации [Адамович 2000: 109]. Обратить внимание молодежи на их заикленность на себе и на убежденность в собственной правоте – так можно обозначить первую коммуникативную цель. Вторая часть выполняет сразу две функции. С одной стороны, она служит иллюстрацией предыдущего публицистического тезиса, так как речь здесь идет о том, что в любую эпоху взгляды и убеждения гипотетического Базарова будут отвергнуты пришедшими ему на смену приверженцами новых течений и направлений в культуре [там же]. А с другой стороны, это предложение написано в рамках литературной критики и приближается к тем методам работы с художественным текстом, которого придерживались представители «реального» направления.

Интересно, что для творческого наследия Адамовича характерен и обратный процесс. Если в публицистических текстах автор избегает сосредоточенного рассмотрения проблем и всего лишь в нескольких импрессионистических предложениях рисует литературный пейзаж, то его собственно критические работы отличаются автобиографизмом и публицистичностью, а последовательный разбор заменяется импрессионистическим изложением [Чиннов 2001: 358].

Итак, вне зависимости от затрагиваемой тематики в большинстве фрагментов-комментариев можно увидеть критическое осмысление классической и современной Адамовичу литературы. Выступая в качестве публициста, Адамович остается литературным критиком, для которого преимуществом обладает не эстетическая сторона, а комплекс идей, находящихся в произведении и созвучных сегодняшнему дню. Такие установки характерны для большинства писателей-эмигрантов, сохранивших слово- и литературоцентричность [Коростелев 2011: 5].

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Г.В. Собр. соч. «Комментарии» / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 755 с.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста. М.: Флинта, 2011. 400 с.

Кормилов С.И. Основные вехи эволюции русской литературной критики с 1917 по 1991 год // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 1. С. 18–37.

Коростелев О. Пафос свободы // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1 / Сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А. Коростелев, Н.Г. Мельников. М.: АСТ: Олимп, 2001. С. 3–35.

Новикова Е. Культурологическая проблема «Восток – Запад» в книге Г. Адамовича «Комментарии» // Русская литература XX века: итоги столетия. Сборник трудов международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2001 года / Под ред. А.А. Кобринского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 101–104.

Распопин В.Н. «Комментарии» [Электронный ресурс]. <http://kniga.websib.ru/article.htm?no=66> (дата обращения: 13.08.2018).

Современное русское зарубежье / Сост., вступительная статья, справочные и методические материалы П.В. Басинского, С.Р. Федякина. М.: АСТ: Олимп, 2001. 521 с.

Федякин С.Р. Книга, говорившая «эхом слов». Удар филологией по Георгию Адамовичу [Электронный ресурс]. <http://www.ug.ru/old/00.51/t21.htm> (дата обращения: 13.08.2018).

Чиннов И. Вспоминая Адамовича // Современное русское зарубежье / Сост., вступительная статья, справочные и методические материалы П.В. Басинского, С.Р. Федякина. М.: АСТ: Олимп, 2001. 521 с.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–99.

REFERENCES

Adamovich G.V. (2000) Collected Works. “Commentaries” / The afterword and notes compiled by O.A. Korostelev. St.-Petersburg. Aletejya Publ. 755 p.

Chinnov I. Remembering Adamovich. In: Modern Russian Abroad / Introduction, reference and methodological materials compiled by P.V. Basinski, S.R. Fedyakin. Moscow. AST: Olimp Publ. 2001. 521 p.

Fedyakin S.R. The Book that Said “Echo of Words”. Impact of Philology on Georgy Adamovich. <http://www.ug.ru/old/00.51/t21.htm> (date accessed: 13.08.2018).

Kajda L.G. (2011) The Compositional Poetics of Text. Moscow. Flinta Publ. 400 p.

Kormilov S.I. The Main Milestones in the Evolution of Russian Literary Criticism from 1917 to 1991. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Science*. 2009. No 1, pp. 18–37.

Korostelev O. Pathos of Freedom. In: Criticism of Russian Abroad. In 2 parts. Part 1 / The afterword and notes compiled by O.A. Korostelev, N.G. Mel’nikov. Moscow. AST. Olimp Publ. 2001, pp. 3–35.

Modern Russian Abroad / Introduction, reference and methodological materials compiled by P.V. Basinski, S.R. Fedyakin. Moscow. 2001. AST: Olimp Publ. 521 p.

Novikova E. Cultural problem “East-West” in G. Adamovich’s book “Commentaries”. In: Russian Literature of the 20th century: Results of the Century. Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists. St.-Petersburg. 16–18 March. 2001 / Ed.: A.A. Kobrin. St.-Petersburg. St.-Petersburg University Press. 2001, pp. 101–104.

Raspopin V.N. “Commentaries”. <http://kniga.websib.ru/article.htm?no=66> (date accessed: 13.08.2018).

Shmeleva T.V. Model of Speech Genre. In: Genres of Speech. Saratov. 1997, pp. 88–99.

Сведения об авторе:

Елизавета Михайловна Зенова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta M. Zenova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lizazenova@gmail.com